Блицкриг

или

Блицкрах

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

„БЛИЦКРИГ“
или
„БЛИЦКРАХ“

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941

ЧТО МЫ ЗАЩИЩАЕМ

Программа национал-социалистов — «наци» (фашисты) — не исчерпана в книжке Гитлера. В ней только то, в чем можно было признаться. Дальнейшее развитие их программы таит в себе такие горячечные, садистические, кровавые цели, в которых признаться было бы невыгодно. Но поведение наци в оккупированных странах приоткрывает эту «тайну», намеки слишком очевидны: рабство, голод и одичание ждет всех, кто во-время не скажет твердо: «Лучше смерть, чем победа наци».

Наци истерично самоуверены. Завоевав Польшу и Францию — в основном путем подкупа и диверсионного разложения военной мощи противника,— завоевав другие, более мелкие страны, с честью павшие перед неизмеримо более сильным врагом, наци торопливо начали осуществлять дальнейшее развитие своей программы. Так, в Польше, в концлагерях, где заключены польские рабочие, польская интеллигенция, смертность еще весной этого года дошла до семидесяти процентов, теперь она поголовная. Население Польши истребляется. В Норвегии наци отобрали несколько тысяч граждан, посадили их на баржи и «без руля и ветрил» пустили в океан. Во Франции, во время наступления, наци с особенно садистическим

вкусом бомбили незащищенные городки, полные беженцев, «прочесывали» их с бреющего полета, давили танками все, что можно раздавить, потом приходила пехота, наци вытаскивали из укрытий полуживых детей, раздавали им шоколад и фотографировались с ними, чтобы распространять где нужно эти документы о немецкой «гуманности»... В Сербии они уже не раздавали шоколада и не фотографировались с детьми. Можно привести очень много подобных фактов.

Все эти поступки вытекают из общей национал-социалистской программы, а именно: завоевываются Европа, Азия, обе Америки, все материки и острова. Истребляются все непокорные, не желающие мириться с потерей независимости. Все народы становятся в правовом и материальном отношении говорящими животными и работают на тех условиях, которые им будут диктоваться. Если наци найдут в какой-либо стране количество населения излишним, они его уменьшат, истребив в концлагерях или другим, менее громоздким способом. Затем, устроив все это подобно господу-богу в шесть дней, в день седьмой наци, как белокурая, длинноголовая раса-прима, начинают красиво жить, — вволю есть сосиски, ударяться пивными кружками и орать застольные песни о своем сверхчеловеческом происхождении...

Все это не из фантастического романа в стиле Герберта Уэллса, — именно так реально намерены развивать свою программу в имперской новой канцелярии, в Берлине. Ради этого льются реки крови и слез, пылают города, взрываются и тонут тысячи кораблей и десятки миллионов мирного населения умирают с голоду.

Разбить армии Третьей империи, с лица земли

смести всех наци с их варварски-кровавыми замыслами, дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития — по пути высшей человеческой свободы,— такая высокая и благородная задача должна быть выполнена нами, русскими, и всеми братскими народами нашего Союза.

Немцы рассчитывали ворваться к нам с танками и бомбардировщиками, как в Польшу, во Францию и в другие государства, где победа была заранее обеспечена их предварительной подрывной работой. На границах СССР они ударились о стальную стену, и широко брызнула кровь их. Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма... «Все промелькнули перед нами».

Наш народ прежде поднимался на борьбу, хорошо понимая, что и спасибо ему за это не скажут ни царь, ни псарь, ни боярин. Но горяча была его любовь к своей земле, к неласковой родине своей, неугасимо в уме его горела вера в то, что настанет день справедливости, скинет он с горба всех захребетников, и земля русская будет его землей, и распашет он ее под золотую ниву от океана до океана.

В отечественной войне девятьсот восемнадцатого — двадцатого годов белые армии сдавили со всех сторон нашу страну, и она, разоренная, голодная, вымирающая от сыпного ти-

фа, — через два года кровавой и, казалось бы, неравной борьбы — разорвала окружение, изгнала и уничтожила врагов и начала строительство новой жизни. Народ черпал силы в труде, озаренном великой идеей, в горячей вере в счастье, в любви к родине своей, где сладок дым и сладок хлеб.

Так на какую же пощаду с нашей стороны теперь рассчитывают наци, гоня немецкий народ на ураганом несущиеся в бой наши стальные крепости, на ревущие чудовищными жерлами пояса наших укреплений, на неисчислимые боевые самолеты, на штыки Красной Армии...

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годины легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек — так себе, потребовали от него быть героем — герой... А как же может быть иначе... В старые времена рекрутского набора забритый мальчишечка гулял три дня — и плясал, и, подперев ладонью щеку, пел жалобные песни, прощался с отцом, матерью, и вот уже другим человеком — суровым, бесстрашным, оберегая честь отечества своего, шел через альпийские ледники за конем Суворова, уперев штык, отражал под Москвой атаки кирасиров Мюрата, в чистой тельной рубахе стоял — ружье к ноге — под губительными пулями Плевны, ожидая приказа итти на неприступные высоты.

Три парня сошлись из разных деревень на службу в Красную Армию. Хороши ли они были до этого, плохи ли,— неизвестно. Зачислили их в танковые войска и послали в бой. Их танк ворвался далеко впереди во вражескую пехоту, был подбит и расстрелял все снаряды. Когда враги подползли к нему, чтобы живыми захватить танкистов, три парня вышли из танка, у каждого оставался последний патрон, подняли оружие к виску и не сдались в плен. Слава им, гордым бойцам, берегущим честь родины и армии.

Летчик-истребитель рассказывал мне: «Как рой пчел — так вертелись вокруг меня самолеты противника. Шея заболела крутить головой. Азарт такой, что кричу во все горло. Сбил троих, ищу прицепиться к четвертому. Сверху — то небо, то земля, солнце — то справа, то слева, кувыркаясь, пикирую, лезу вверх, беру на прицел одного, а из-под меня выносится истребитель, повис на тысячную секунды перед моим носом, вижу лицо человека — сильное, бородатое, в глазах ненависть и мольба о пощаде... Он кувыркнулся и задымил, вдруг у меня нога не действует, будто отсидел, значит — ранен. Потом в плечо стукнуло. И пулеметная лента — вся, стрелять нечем. Начинаю уходить,— повисла левая рука. А до аэродрома далеко. Только бы, думаю, в глазах не начало темнеть от потери крови, и все-таки задернуло мне глаза пленкой, но я уже садился на аэродром, без шасси, на пузо».

Вот уже больше полвека я вижу мою родину в ее борьбе за свободу, в ее удивительных изменениях. Я помню мертвую тишину Александра Тре-

тьего; бедную деревню с ометами, соломенными крышами и ветлами на берегу степной речонки. Вглядываюсь в прошлое, и в памяти встают умные, чистые, неторопливые люди, берегущие свое достоинство... Вот отец моего товарища по детским играм — Александр Сизов, красавец, с курчавой русой бородкой, силач: когда в праздник в деревне на сугробах начинался бой,— конец шел на конец,— Сизов веселыми глазами поглядывал в окошечко, выходил и стоял в воротах, а когда уж очень просили его подсобить, натягивал голицы и шутя валил всю стену; в тощем нагольном полушубке, обмотав шею шарфом, он сто верст шагал в метель за возом пшеницы, везя в город весь свой скудный годовой доход. Сегодня внук его, наверно, кидается, как злой сокол, на германские бомбардировщики.

Я помню, в избе с теплой печью, где у ткацкого станка сидит молодая, в углу на соломе спит теленок, отгороженный доской, — мы, дети, собравшись за столом, на лавках, слушаем высокого, похожего на коня старика с вытекшим глазом,— он рассказывает нам волшебные сказки. Он побирается, ходит по деревням и ночует, где пустят. Молодая за станом говорит ему тихо: «Что ты все страшное да страшное, расскажи веселую...» — «Не знаю веселую, дорогая моя, не слухал, не видал,— и одним страшным глазом он глядит на нас, — вот они разве увидят, услышат веселое-то...»

Я помню четырнадцатый год, когда миллионы людей получили оружие в свои руки. Умный народ понимал, что первое и святое дело — изгнать врага со своей земли. Сибирские корпуса прямо из вагонов кидались в штыковой бой, и не было в ту войну ничего страшнее

русских штыковых атак. Только из-за невежества, глупости, полнейшей бездарности царского высшего командования, из-за всеобщего хищения и воровства, спекуляции и предательства не была выиграна русским народом та война.

Прошло двадцать пять лет. От океана до океана зашумели золотом колхозные нивы, зацвели сады и запушился хлопок там, где еще недавно лишь веял мертвый песок. Задымили десятки тысяч фабрик и заводов. Тот же, быть может, внук Александра Сизова, такой же богатырь, пошел под землей ворочать, как Титан, одни сотни тонн угля за смену. Тысячетонные молоты, сотрясая землю, начали ковать оружие Красной Армии — армии освобожденного народа, армии свободы, армии—защитнице на земле мира, высшей культуры, расцвета и счастья.

Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...

27 июня 1941

АРМИЯ ГЕРОЕВ

Дорогие и любимые товарищи, воины Красной Армии, вы встали навстречу врагу стальной грудью танков, жерлами метких и сокрушительных орудий, свинцовым ураганом огня, тысячами боевых самолетов, зорких и смелых, как соколы, быстрых и смертельных, как молнии.

Грозные машины и орудия одушевлены вашей волей к победе, вашей храбростью, которой изумляется весь мир, находчивостью, русской сметкой, стальной стойкостью.

Немцы завоевали всю Европу без большого труда: там в каждой стране задолго до войны были ими организованы «пятые колонны» из разнообразной человеческой сволочи, — бандитов всех оттенков, от работающих пером до работающих ножом, из авантюристов, продавших свою честь и совесть и — в первую голову — свою родину. Они разрушали военную мощь европейских стран всеми способами — подкупом министров и депутатов, диверсиями и шпионажем, шумными газетными кампаниями, провокационными погромами демократии, рабочих и интеллигенции.

Они вели широкую пропаганду по успокоению Европы. Гитлер, как волк из народной русской сказки, пел тонким голосом:

«Козлятушки-ребятушки, отворитеся, отомкнитеся, ваша мать пришла, молочка принесла...»

Европа мирно дремала, не думая о войне. А когда проснулась от рева германских бомбардировщиков, было уже поздно. Фашисты приставили ей штык к груди и до нитки, вернее, до дверной ручки, до последнего куска хлеба, обобрали ее. Всех недовольных такими порядками фашисты посадили в концлагеря, чтобы там умертвить голодной смертью и физическими мучениями.

Гитлеру сгоряча показалось, что с Европой таким образом покончено, и он рассчитывая, что мы тоже спим и ему верим, предательски бросил в наступление сто семьдесят своих дивизий на СССР. Но тут мировой бандит со своей шайкой дипломатов, проповедников и погромщиков, вышедших из грязи и за один год европейской войны ставших сверхмиллиардера-

ми, ошибся по двум направлениям: с тыла и с фронта.

Ограбленная и униженная Европа оказалась незамиренной. Еще год тому назад — гордые и независимые, а сейчас лежащие со связанными руками и кляпом во рту, европейские народы нашли в своем сердце лютую ненависть к поработителям, почувствовали, что — лучше смерть, чем рабство.

И вот, как только хлынула широкой рекой фашистская кровь под ударами Красной Армии, начались в Европе странные происшествия: стали гореть подземные хранилища с бензином, взрываться склады боеприпасов, воинские поезда пошли под откос, полетели на воздух военные заводы вместе с фашистами, поползла по предприятиям — где только возможно — итальянская забастовка, и на стенах домов в городах невидимая рука чертила надпись: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!».

Англия, вместо того, чтобы капитулировать на море и на суше, как об этом уже давно завопили фашисты на весь мир, стала мощнее в военном и организационном отношении. Бомбежка Лондона и других ее прекрасных городов заставила англичан лишь крепче стиснуть зубы, поставить перед собой во всей непреклонности одну цель: уничтожение Гитлера и фашизма.

Еще этой зимой англичане пустили крылатую фразу: «Положение Гитлера блестящее, но безнадежное...» В последнее время они заявили, что уже владеют воздухом в Западной Европе и не успокоятся до тех пор, покуда в любой комбинации, в любом месте фронта не будут

господствовать в воздухе. Мощные эскадрильи английских бомбардировщиков страшными налетами громят германские военные заводы, склады горючего, доки, гавани, вокзалы, корабли.

Тыл у фашистов оказался таким, что Гитлеру приходится, как филину, только поспевать вертеть головой.

Вторая ошибка Гитлера заключалась в том, что он не понял и недооценил мощи и духа Красной Армии, мощи и духа нашей родной многонациональной страны.

Нашла коса на камень.

На что рассчитывал Гитлер вместе со своей угрюмой шайкой погромщиков, проповедников и дипломатов? Рассчитывал он, что ли, на то, будто советский человек испугается: «Батюшки светы, сильнее кошки зверя нет, всю Европу победил, куда мне с ним тягаться!..» Да шапку с головы — прочь, да — бух в ноги? Плохо нас знают фашисты!

Надо знать, что русский народ, даже в самые трудные и тяжелые времена своей истории, никогда перед врагом-захватчиком шапки не ломал, но уж на крайний случай брал навозные вилы и порол ему брюхо. За святыню — русскую землю — наш народ не щадил жизни своей. Жизнь нам дорога, мы — народ веселый, но дороже нам жизни родина, склад наш и обычай, язык наш, стать наша, твердая уверенность, что сил у нас хватит и оборонить СССР и устроить у себя свою особенную, изобильную, богатую всеми дарами земли и ума человеческого свободную жизнь, такую, чтобы каждый новый человек, появляясь из материнской утробы на свет, получал путевку — на счастье...

Фашистам на нашей земле делать нечего. Убьем. В одной русской сказке мужик Капитон говорит царю:

«Погоди, навернесся ты на меня, тогда увидим, который которого наиграт...»

Игра сейчас идет серьезная. Враг сильный и опасный. Для разгрома его нужно организованное, согласное, уверенное, умноженное во много раз напряжение всех сил в тылу, — весь труд, все мысли, всю жизнь — для Красной Армии и победы. Об этом сказал товарищ Сталин. Единодушие охватило всю страну. Красная Армия может быть покойна за свой тыл. Плечи у русского народа крепкие, руки золотые. Ума нам не занимать. Обороняем мы свое, наше кровное отечество, доставшееся в вечное владение народу после мучительной многосотлетней борьбы.

Красная Армия — цвет нашей страны — в этой войне с убийцей и грабителем народов выполняет высокую национальную задачу, значение которой для нас неизмеримо.

Взоры всего человечества с надеждой, а у иных народов — с мольбой, обращены к Красной Армии. Нас, советских людей, плохо знали, о нас судили вкривь и вкось,— насчет этого фашисты постарались, сея через свою желтую пропаганду ложь и клевету о русских и всех братских народах СССР. Достаточно сказать, что еще в 1937 году за границей дружественно настроенные к нам люди спрашивали меня с опаской: правда ли, что женщины в Советской России национализированы, и правда ли, что дети у нас не имеют права воспитываться у родителей, и — прочие глупости.

Красная Армия своей стальной мощью, своей храбростью, высоким духом патриотизма, благородства и бескорыстия высоко передо всем миром подняла на своих знаменах имя русского...

Пусть разожмутся навсегда тиски недоверия и предвзятости и народы мира увидят, что Красная Армия — непоколебимый защитник и друг демократии, свободы, человечности и культуры.

Русский — станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма.

В этой грозной отечественной войне Красная Армия в единодушии со всей страной сокрушительными ударами по врагу выковывает свободу и счастье нашей родины, свободу и мир народам мира.

Да здравствует армия героев, армия славы, наша грозная и могучая Красная Армия!

9 июля 1941

КТО ТАКОЙ ГИТЛЕР И ЧЕГО ОН ДОБИВАЕТСЯ

Врага нужно знать. Кто такой Гитлер? Вот что рассказывает один из его бывших друзей.

Гитлер — австриец, сын мелкого таможенного чиновника, настоящая фамилия его — Шикльгрубер.

Образование у него — среднее. В школе учился плохо, мечтал стать художником, но за отсутствием таланта работал одно время маляром в строительной конторе. За отказ войти в профсоюз и также за антисемитизм был снят с ра-

боты. Тогда он стал чертежником и в общем не отличался от среднего обывателя.

Во время империалистической войны служил при штабе баварского полка и дослужился до ефрейтора... В одной военной переделке был отравлен газами, едва не ослеп, и тут-то его нервность перешла в истерию, вплоть до галлюцинаций... Но пока еще эти качества не находили у него применения.

В 1919 году, после разгрома революции в Мюнхене, он стал работать следователем в особой комиссии и тут впервые получил вкус к человеческой крови, сочиняя обвинительные акты и подводя германских революционеров под расстрел.

В то время в Мюнхене образовался первый кружок той партии, которая впоследствии получила название «национал-социалистической». Гитлер, по поручению кружка, выступал как лектор по антисемитизму. В кружке он значился под номером седьмым.

Но его на первые места не выдвигали, он исполнял роль, так сказать, барабанщика кружка. Отличительная его черта—«чертовское тщеславие», как пишет о нем один из его бывших друзей, бежавших из Германии. Гитлер — человек с надрывом, с истерической волей, слабый перед сильными. Во время выступлений перед своими молодчиками, когда он беснуется и требует с трибуны крови, крови, воротничок его — мокрый, как жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, пуговицы оторваны, безумные глаза, землистое лицо, похожее на сыр.

Он любит пророчествовать, как маньяк. Но пророк он плохой. При неудаче он падает духом. Так, в 1927 году, когда его дела пошли

было круто вниз, он хотел даже покончить самоубийством...

По целому ряду объективных причин такой истерический шаман производил сильное впечатление на немецкого мелкого буржуа.

Гитлер требовал «ночи длинных ножей для евреев» — и это поражало мещанское воображение. Гитлер требовал военного похода на большевистскую Москву, завоевания Украины и расселения на роскошных приднепровских землях голодающих немцев... Еще большее впечатление!

Гитлер был рупором, с одной стороны, крупных германских промышленников, больше всего на свете боявшихся революции, с другой — шайки авантюристов, пробивавшихся к власти зубами и когтями.

Гитлер со всем его окружением — авантюристов, личностей с уголовным прошлым и с уголовным будущим — возник как язва в больном теле Германии.

Обещав мелкому немецкому буржуа молочные реки и кисельные берега, он пробрался в канцлеры, а затем путем кровавой провокации взял всю власть и начал свою разрушительную работу.

Террор и голод получила Германия взамен кисельных берегов. «Выбирайте — нищету или войну», — заявил Гитлер одураченным немцам, и началась семилетняя обработка и подготовка молодого поколения, предназначенного к убою. «Солдат не должен знать больше того, что он знает. Солдат не должен думать, за него подумал фюрер, — так гласит первый пункт полевой книжки фашистского солдата. Все соки стра-

ны выжимались досуха на вооружение. Германия стала единым военным лагерем, военной машиной, предназначенной для осуществления и сумасшедших грабительских планов Гитлера и его шайки. Эти планы распухали с каждым днем в его истерическом воображении. Еще бы, — к его услугам было восемьдесят пять миллионов немцев, скрученных в бараний рог.

Каковы же военные планы Гитлера? Первоначальный план его заключался в разгроме Советской страны.

Для похода на Советскую Россию нужно было согласие на невмешательство в эту авантюру Европы. Гитлер всеми средствами запугивал неизбежностью коммунистической революции. «Или фашизм, или коммунизм», — истерически завывал он в эфир. «Я один в состоянии раздавить коммунизм в Советской России и во всем мире. Развяжите мне руки...» Ему не поверили, рук для похода на Советскую Россию не развязали, тогда военный план его с той же истерической быстротой перевернулся с головы на ноги. Он решил сначала напасть на Европу, уничтожить ненавистную Францию, поставить Англию на колени, и уже тогда, очистив свой тыл, вернуться к самому жирному куску, к Советской России.

Так началась вторая мировая война. Что же Гитлеру нужно от нас, русских, украинцев, белоруссов и всех братских народов СССР?

Прежде всего ему не нужны двести миллионов населения нашей родины. Ему не нужны дети, женщины, пожилые люди и старики. Они подлежат физическому истреблению. Мы теперь

знаем, как это делалось в Польше, в Сербии, в Норвегии, во Франции и в тех советских районах, которые временно и ненадолго заняты фашистскими войсками. В Польше значительная часть населения уже истреблена пытками, болезнями и голодной смертью в гигантских концлагерях, а вне лагерей — истощением от голодного пайка. Польскому крестьянину не принадлежит больше его достояние; к примеру: крестьянам и фермерам розданы особые куриные клетки, туда сажают кур, сборщики запечатывают клетки и ежедневно вынимают яйца; если пломба оказывается поврежденной, — через час крестьянин уже висит на дереве около своей хаты.

Ворвавшись во Львов, фашисты устроили там «ночь длинного ножа»: много тысяч человек — от мала до велика — было зарезано. Известно, каким мученьям подвергались крестьяне белорусских сел и деревень: их ошпаривали кипятком, выкалывали глаза, запарывали штыками, детям разбивали головы о косяк.

Для чего так поступают фашисты? Для того, чтобы навести ужас на население и чтобы убрать лишние рты: это их программа.

В Советской России фашистам нужны рабочие руки, но такие, чтобы они повиновались, как машины. Фашистам годен не человек, но говорящее животное. Поэтому несомненно, что они намерены оставить в живых часть мужского здорового населения, ровно столько, сколько понадобится для работы в полях, на шахтах, на заводах. Пример порабощенных стран Европы показывает, какая участь ждет этих оставленных в живых сельских и городских рабочих.

Все плодородные земли Украины, русской черноземной полосы, вольного Дона, тучные поля и роскошные сады Кубани, хлопковые плантации, виноградники и сады Кавказа и Средней Азии, — все должно быть распределено между новыми хозяевами — длинноголовыми, белокурыми стопроцентными немцами-помещиками...

Они-то уже и плеть приготовили и зверовидных кобелей для охраны...

Не терпится новому помещику молниеносно захватить и Киев, и Москву, и вторгнуться в Донбасс, и, как сливки, лизать фашистским языком бакинскую нефть.

Не вышло. И не выйдет... В Красной Армии у каждого воина в той полевой книжке, что носит он на сердце своем, первым номером стоит: за Родину! За Сталина! Вторым номером стоит: ты должен все знать, все понимать, обо всем думать... В твоих руках судьба отечества, свобода и счастье твоего народа...

В невиданной и неслыханной трехнедельной битве твух многомиллионных армий, Красной и фашистской, сразу определились разные качества сражающихся: красный воин дерется умно, хитро, смышленно, по-русски храбро до конца, до победы. Фашистский солдат дерется, как обреченный. Часто в бой идут они пьяные, нагнув головы в шлемах. И не выдерживают русских штыковых атак. Очищают небо, завидя красные истребители. Неожиданно под нашим контрударом обрывают отчаянный, казалось бы, натиск. Кидаются туда и сюда. Меняют планы. В фашистской армии все черты ее «фюрера»:

нахальство, свирепость разъяренного зверя, истеричность...

Враг многочисленный, опасный, сильный, но он должен быть и будет разгромлен.

Основной план Гитлера заключается в том, чтобы, овладев мировой гегемонией, истребив ненужные ему народы, установить единый вечный фашистский порядок. Но здесь у него не хватило фантазии: он целиком заимствовал этот новый порядок из представлений раннего средневековья: это — пирамида, где на самом верху полубог — Гитлер, ниже — его ближайшие сановники — Геббельсы, Геринги, Риббентропы и прочая черная сволочь, ниже — стопроцентная длинноголовая аристократия — помещики, которым, скажем, одному «принадлежит» целиком Киевский военный округ, другому — Урал от Перми до Магнитогорска и так далее, ниже — крупная немецкая буржуазия, еще ниже идут уже люди подневольные, рабы более надежные, пониже — рабы менее надежные, дальше — слоями — расы, все более удаляющиеся от арийской, и на самом низу — человеко-машины, человеко-животные или «недочеловеки», по выражению Гитлера, люди, живущие в стойлах, люди, которых стерилизуют, чтобы они не давали потомства, молчаливая, безликая работающая масса.

Таков предполагаемый «новый порядок» Гитлера. Ради него вот уже полтора года льется кровь, разрушаются государства, гибнут миллионы людей от голода и лишений, и вот уже три недели фашистские полчища ломают свой хребет о стальную мощь Красной Армии.

Русские люди, граждане Советского Союза! Отдадим все для нашей героической и славной Красной Армии, отдадим все для победы над извергом и людоедом Гитлером.

17 июля 1941

ПОЧЕМУ ГИТЛЕР ДОЛЖЕН ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Тридцать восемь дней непрекращающейся ни на один час гигантской битвы с армиями Гитлера дают нам возможность сделать некоторые выводы, мрачные для Гитлера и утешительные для нас.

Фашистская Германия — это военная машина, целиком приспособленная для агрессии и только для агрессии. Она, как хищный зверь, всегда в позиции прыжка вперед. В этом ее лобовая сила и в этом же ее слабые и уязвимые места, таящие неминуемое поражение.

Посмотрим, как осуществляется на практике гитлеровская теория молниеносного удара в столкновении с частями Красной Армии.

Эту фашистскую тактику у нас в армии бойцы окрестили «вороньим носом»: ворон клюнул и раскрыл клюв, клюнул и раскрыл клюв,— значит, задача забить ему разеваемый клюв хорошим кляпом.

Задача эта выполняется целым рядом действий, в которых, кроме нашей технической мощи, участвуют силы уже порядка не механического и не предусмотренного в планах фашистского командования.

Прыжок фашистского зверя наталкивается на нашу военную технику, плюс сложную психику русского человека, в известные моменты истории легко пренебрегающего своей жизнью и

чрезвычайно злого в драке, смышленого и упорного.

Фашистские способы ведения грабительской войны, теоретически долженствующие навести панику на население деревень и местечек, заставляют мужчин, женщин и подростков уходить в леса и болота и оттуда вести беспощадную партизанскую войну.

Партизаны нарушают фашистские коммуникации, уничтожают автоколонны с боеприпасами и горючим, взрывают мосты, засеками заваливают дороги, поджигают леса, по ночам, прокрадываясь, как тени, нападают на фашистские штабы, раскалывают головы сонным офицерам; за каждым кустом, канавой, плетнем немца ждет пуля, ручная граната.

В городе Н., который, по соображениям командования, решено было не защищать, население вооружилось несколькими сотнями тысяч бутылок с горючим и вокруг города в лесах и болотах начало беспощадную борьбу с фашистскими автомашинами и танками. Перед тем, как занять город, немцы, по обычаю, разбомбили и подожгли его. Передовой отряд мотоциклистов, уверенный, что население в панике бежало и дороги безопасны, наскочил близ города на засаду: передние были сбиты пулями, в остальных, заметавшихся на дороге, полетели бутылки с горючим. Один из партизан — мясник по профессии, — разгорячась, кинулся сзади на мотоциклиста, подмял его под себя и так верхом на длинноголовом стопроцентном арийце вкатил в город.

Мост через реку не был взорван. Немцы, решив опять-таки, что это — результат русской

ваники, выставили с обоих берегов охранение и пустили через мост тяжелые танки. Мост был минирован партизанами. Семь человек, кто зарывшись в тину, кто сидя в воде в камышах, ждали только момента, когда фашистские танки наполнят весь мост от одного конца до другого, — тогда партизаны взорвали аммонал, подложенный под мостовые устои, и десятки фашистских танков в столбах пламени рухнули в воду, воздвигнув памятник вечной славы семи героям.

Смотря по обстоятельствам, нередко бывает так, что части Красной Армии, атакуемые «вороньим носом», никак не реагируют на воздушные бомбардировки и артиллерийский огонь. Участок нашего фронта замирает, ждет. В точно размеренное время появляются отряды мотоциклистов, они мчатся как бешеные, оглушительно паля из автоматов. Наши снайперы, замаскированные так, что их в двух шагах не отличить от болотной кочки, бьют на выбор по передним мотоциклистам и по хвосту колонны. Еще минуту тому назад «огненные дьяволы» превращаются в растерянных мальчишек, — они сталкиваются, падают, заворачивают и гибнут под выстрелами.

Очень странно, что после того, как германцы Арминия разбили в Тевтобурском лесу три легиона Квинтилия Вара, немцы считают себя храбрыми солдатами. Но фашистские солдаты истеричны и неуравновешенны: достаточно нарушить их план — они теряются и мечутся, как механические люди, да еще с нечистой совестью, попавшие в беду.

Пулеметами или заранее выведенными из-под артиллерийского огня и хорошо замаскирован-

ными противотанковыми пушками в удобнейшем для нас месте громится колонна легких танков. Теперь наступает главный эпизод боя. В дело идут тяжелые, устрашающе выкрашенные в черную краску фашистские танки. Я беру тот случай, когда их умышленно пропускают через реку по понтонному мосту. Когда они прошли, огонь нашей тяжелой артиллерии обрушивается на пристрелянный мост и уничтожает его. Танки отрезаны от своей пехоты. Но танки сильное оружие, они идут вперед, и основная наша задача — не дать им разинуться «вороньим носом», то есть развернуться на наши фланги, и до этого уничтожить их. Начинается танковое сражение. Больше всего это похоже на кромешный ад. Наши тяжелые танки бросаются в контратаку. Наши бомбардировщики с бреющего полета засыпают бомбами черные танки. По ним бьет артиллерия. Там, где они попадают в зону пехоты, их подрывают связками гранат и обливают горючим. Наверно битва олимпийских богов с гигантами показалась бы нам игрой в регби в сравнении с этим побоищем стальных крепостей.

Наша авиация нередко очищала небо от фашистских коршунов и на свободе превращала в груду исковерканного металла фашистские танки и их зенитную артиллерию. Такие бои продолжаются иногда несколько дней. Очень характерно попавшее нам в руки донесение командования одной из таких фашистских танковых групп. Сначала уверенно, в победном тоне доносил генерал о форсировании реки и продвижении вперед; затем донесения поступали уже от полковника, они были крайне нервны. План был нарушен, и клюв не разевался. Наконец доносил

уже майор, с величайшей растерянностью, о том, что он не может охватить общей картины боя, о том, что потери очень велики и что отступление на ту сторону реки отрезано. Словом, в «разинутый клюв» воткнули кляп.

Фашистская пехота связана с танками, как отара овец с передовым бараном. В данном случае она будет стремиться переправиться через реку. Это нами предусматривается, и начинается побоище на переправах. Особые части охранных войск «СС» направляют стволы пулеметов в спину своей пехоте, ее анестезируют алкоголем в уверенности, что пьяному немцу море по колено, — но вернее, что он с головой погружен в море отчаяния. На таких переправах мы с успехом уничтожаем живую силу противника. Один из участников рассказывал мне, что вода в реке стала коричневой от крови и высоко поднялась, запруженная танками, затонувшими понтонами и тысячами немецких тел.

Второй случай — фашистскому ударному клину для атаки не нужно переправляться через реку. Тогда с нашей стороны вся основная часть операции обороны и контрудара сосредоточена в том, чтобы отрезать фашистскую пехоту от танков и разгромить то и другое по отдельности. Удар наносится в разрез между танками и пехотой. Пропущенные вперед, их танки попадают под комбинированные удары наших самолетов, танков и артиллерии. Отрезанная фашистская пехота, в недоумении, что весь план грубым образом нарушен, теряется, окапывается, и здесь мы чаще всего ищем непосредственного сближения с врагом штыковыми ударами, помня добрый завет старика Суворова: «Пуля дура, штык молодец». Действительно странно, что

при современной технической оснащенности немецкие нервы не выносят бегущих на них красноармейцев с тонкими лезвиями штыков.

Вот тысячи немецких трупов лежат между наспех вырытыми окопами во ржи и на пригорках. Повели пленных, во-время бросивших оружие. Наступает тишина, — разве скажет кто-нибудь из бойцов товарищу хрипло и коротко: «Вытри штык, чистить придется». Немецкая военная машина сосредоточивает все у себя на передовом фронте. Здесь, кроме военных, найдете инженеров, конструкторов, профессоров, всевозможных специалистов. Позади в тылу остается все второстепенное вместе с запасными войсковыми частями из пожилых, слабосильных, раненых. Это — гитлеровские резервы. Достаточно прорвать передовую кромку фронта, чтобы попасть внутри в трухлявую сердцевину. И чем дальше на запад и на юг на Балканы, тем все более уязвимым и нездоровым становится организм фашистской Германии, распространившей иго «Третьей империи» на Францию, Бельгию, Голландию и славянские страны.

Посудите сами, сколь надежной можно считать компанию Адольфа Гитлера, если у одного он зарезал жену и ребенка, у другого живьем сжег родную мать, третьему заявил, что если «ты, недочеловек, осмелишься думать о чем-либо ином, кроме божественности фюрера тебя ошпарят кипятком и в таком виде повесят».

Резервов у Гитлера мало, резервы у него плохие, и тыл его ненадежен.

Но еще меньше у него бензина. Я не привожу цифр. Они известны. Но я могу дать честное

слово, что жидкое горючее Гитлеру не доставляется силами ада из подземного царства. Чтобы иметь бензин, нужно его взять. У Гитлера были солидные запасы. Но английская авиация методически уничтожает их, а советская разрушает и жжет нефтепромыслы в Плоешти. Кроме того, партизанская война у нас и в Европе сильно способствует уменьшению этого главного основного и решающего материала для успешного развития садистических и отменно глупых планов взбесившейся обезьяны — Гитлера: повернуть человеческую историю на несколько тысячелетий назад к возникновению рабства,— начать игру сначала не по воле исторического процесса, а так, как захотел «божественный» Гитлер.

Начиная войну с Советским Союзом, Гитлер рассчитывал на три мнимых предпосылки: усталость Англии от войны, ее желание заключить мир, на нежелание американского народа вмешиваться в европейскую кашу, заваренную Гитлером, и на молниеносное наступление фашистских армий на Киев Москва - Ленинград.

Три главных карты Гитлера биты. Что у него еще остается на руках? Или фальшивые, или мелкие козыри, которые он держит под столом, надеясь, что противники окажутся дураками и трусами.

Ему не одолеть нашей военной мощи, увеличивающейся технически и количественно с каждым днем. Ему не сосчитать наших резервов. Ему не заставить Англию отказаться быть Англией и стать на колени. Ему не остановить своей грязной обезьяньей ручонкой раскручивающейся пружины военной промышленности

США. Он нас пугает, мы не боимся. Мы уверенно, с непреодолимой решимостью будем сжимать Гитлера в объятьях «железной девы».

20 июля 1941

«БЛИЦКРИГ» ИЛИ «БЛИЦКРАХ»

Каждая бомба, падавшая на Лондон и другие прекрасные города Англии, встречалась нами болью сердца. Фашисты разрушали великую цивилизацию, на воздух вместе со щебнем взлетали творения человеческого гения, невинная жизнь детей, смертельные вздохи женщин.

Прежде всего это было бессмысленное разрушение ради разрушения. Не мог же думать Гитлер, что выиграет войну, обрушивая стены мирных жилищ, разрушая храмы, реликвии старины, музеи, и бесценные библиотеки, перепахивая бомбами зеленые парки?

Гитлером, как всем его окружением нечистоплотных людей, владела дикая и торжествующая жажда разрушения. Дикари — слишком мягкое для всех них определение, оно оскорбительно для дикарей. Они — наци, дегенераты, алкоголики, любители чужой собственности, явные или потенциальные убийцы, для которых всякая историческая и культурная преемственность ненавистна и враждебна.

Гитлер и его окружение — это люди, не помнящие родства, для них существует только сегодняшний день, из которого они вперед головой кидаются в неизвестность, надеясь на свое молниеносное нахальство. Таков же и их принцип ведения войны.

США. Он нас пугает, мы не боимся. Мы уверенно, с непреодолимой решимостью будем сжимать Гитлера в объятьях «железной девы».

30 июля 1941

«БЛИЦКРИГ» ИЛИ «БЛИЦКРАХ»

Каждая бомба, падавшая на Лондон и другие прекрасные города Англии, встречалась нами болью сердца. Фашисты разрушали великую цивилизацию, на воздух вместе со щебнем взлетали творения человеческого гения, невинная жизнь детей, смертельные вздохи женщин.

Прежде всего это было бессмысленное разрушение ради разрушения. Не мог же думать Гитлер, что выиграет войну, обрушивая стены мирных жилищ, разрушая храмы, реликвии старины, музеи, и бесценные библиотеки, перепахивая бомбами зеленые парки?

Гитлером, как всем его окружением нечистоплотных людей, владела дикая и торжествующая жажда разрушения. Дикари — слишком мягкое для всех них определение, оно оскорбительно для дикарей. Они — наци, дегенераты, алкоголики, любители чужой собственности, явные или потенциальные убийцы, для которых всякая историческая и культурная преемственность ненавистна и враждебна.

Гитлер и его окружение — это люди, не помнящие родства, для них существует только сегодняшний день, из которого они вперед головой кидаются в неизвестность, надеясь на свое молниеносное нахальство. Таков же и их принцип ведения войны.

ма. Коричневая от крови вода в реке поднялась на несколько футов, так как образовались плотины из трупов. Немцев гнали и гнали, и они, опустив головы в шлемах, шли и шли, как крысы на водопой,— почти все анестезированные алкоголем. Так они и не перешли реку.

Союз Англии с Советской Россией означает, что Гитлер вместе с национал-социализмом будет уничтожен и выметен в мусорную яму истории. Нацистская Германия начала «блицкриг», эта война кончится для нее «блицкрахом».

13 июля 1941

СМЕЛЬЧАКИ

Это было на северо-западном направлении...

Лежали в пахучей траве, в густом орешнике. Пункт связи укрыт надежно: побледневшее от зноя небо — пустынно. Зной был такой, что, казалось, трещали листья. Где-то неподалеку находилась муравьиная куча, и лейтенант Жабин нет-нет да и смахивал со щеки муравья. Покусывая стебелек травы, он не торопился с рассказом.

— Немецкому солдату думать запрещено, этот процесс у фашистов считается вредным,— говорил он.— Котелок у него не приспособлен для быстрого соображения,— покуда он еще спохватится. Вот на этих секундах мы и выигрывали... А дело было трудное, вспомнить — так задним числом мороз дерет по спине... Ну и народ, конечно, у нас смелый. Взгляните на связиста Петрова,— по лицу никак не заметно, что отчаянный парень. Чересчур для мужчины смазливый, глаза сонные,— мгла какая-то в глазах; девушке каждый день открытки пишет... Бойцы ему постоянно: «Петров, да кто ты — человек, или пень

ходячий? Ведь ты же на войне, расшевелись...» — «Отвяжитесь от меня,— отвечает,— когда надо — расшевелюсь...»

— Товарищ Жабин, как же все-таки вам удалось столько дней пробыть с двадцатью пятью красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимыми? — спросил человек с блокнотом на коленях.

Жабин повернулся на бок:

— У меня шофер очень сообразительный. Я ему постоянно говорю: «Ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо, на физико-математический...» — «Да так, говорит, смолоду засосала шоферская жизнь...» Вы спрашиваете — как мы попали к немцам? Мне было приказано в местечке П. сосредоточить все средства связи и связь держать со штабом до последней возможности.

Ну вот я и оказался в окружении. Под вечер два грузовика, битком набитые фашистами, ничего не думая, сунулись в Дубки. Мы немцев спокойно пропустили, с флангов полили их из пулеметов, когда они из машин расползлись,— мы их в штыки. Немцы этого не любят, некоторым удалось убежать, офицер их кинулся в камыши и сидит в воде так, что видны одни ноздри. Взяли у него сумку с важными документами.

Завели мы немецкие грузовики, погрузились в них все двадцать пять бойцов да вот мы с Петровым, за рулем на переднем — Шмельков. Небо заволокло, звезд не видно, луна еще не всходила. Едем по фашистскому тылу вдоль фронта. Час, другой не встречаем ни души, на западе полыхают зарева, на востоке — стрельба и тяжелые взрывы. По заревам, по грохоту пушек ориентируемся.

Впереди должна быть знакомая деревня. Остановились. Петров соскакивает.

«Разрешите мне в разведку».

Вот, думаю, когда человек оживился и девчонку свою забыл. «Иди». Он — гранаты по карманам и быстро так, сноровисто, умело пошел. Минут через сорок зашелестели кусты, он стоит у кабинки:

«В деревне — колонна фашистских автомашин».

Думаю: это неприятно. Но дорога одна, справа, слева болота, а возвращаться назад нам нет никакого расчета. Шмельков говорит успокоительно:

«Садитесь, ребята, проедем».

Наши стальные шлемы в темноте могут сойти за немецкие, отличительных значков — не разобрать, только штыки наши русские, четырехгранные, могут выдать. Я приказал бойцам держать винтовки на коленях.

Скоро увидел три синих огонька — германский «стопсигнал» в голове автоколонны. Шмельков включил свет в подфарки, видим — семитонные грузовики с ящиками, на радиаторах — белый диск с черной свастикой. Сбоку дороги трое офицеров глядят в нашу сторону и вертят электрическими фонариками. Шмельков дал полный свет в фары, офицеры сморщились, заслонили глаза ладонями, и мы равнодушно проезжаем мимо автоколонны, отворачивая головы, чтобы не показывать красную звезду на шлеме. Прибавляем скорость, проезжаем деревеньку, уютную, милую, с тихими хатами среди густых вишен и яблонь, где жить да жить. Деревня пуста, все население ушло.

Около деревянной церковки в открытой маши-

не сидит морщинистый немецкий офицер, с дряблым кадыком и фонариком освещает карту. Едва-едва я успел схватить Петрова за руку,— он было высунулся из кабинки, замахнулся гранатой.

Но все-таки офицер что-то заподозрил. Когда миновали село, нас догоняет двадцатисильный мотоцикл с прицепом, в кабине — пулеметчик. Тут Петров и швырнул гранату, да так ловко, что пулеметчик на полтора метра подпрыгнул из кабинки, будто торопился что-то нам рассказать, а водитель вместе с мотоциклом вперед головой кинулся в канаву.

Мчимся в темноте с погашенными фарами. Большое зарево на горизонте отражается впереди за черными кустами: здесь речонка и деревянный мост. Сбавляем ход. Слышим окрик по-немецки. У нас — оружие и гранаты наготове, сидим молча. Приближаются две неясные фигуры часовых. Один остановился, другой подошел к кабинке и вглядывается, прижал нос к стеклу,— встретились мы с ним глазами... Вдруг он мне закивал, закивал и — шопотом — ломанно по-русски:

«Рус, мост не ехай, там стреляйт фашист...»

Километров пять ехали мы по лугу вдоль берега реки, слушая, как кричат лягушки. Выбрались на дорогу и опять видим синие огоньки, слышим лязг железа, идут танки, и передний от нас в тридцати шагах.

«Ложись,— говорю бойцам,— чтобы хвост ни у кого наружу не торчал».

Свернули мы к обочине дороги и почтительно, не спеша, едем, пропуская тяжелые черные танки с белым кругом и свастикой, как глаз. Фашисты предполагают, что, например, череп и кости у них

в петлицах, черные танки, воющие бомбы должны наводить панический ужас на врага. Может быть, им виднее. Некоторые дикари надевают на войну маски с клыками и рогами,— тоже, говорят, страшно....

За танками шли зенитки, цистерны, грузовики, Вижу, попали в кашу, и нам тут беды не миновать, надо выбиваться на другую дорогу. Но как повернуть? Повернешься — сейчас же вызовешь подозрение.

Справа от дороги показалась березовая аллея.

Шмельков сразу сообразил, в чем тут дело, свернул в аллею, замелькали в глазах белые стволы, и мы прямехонько вкатились на двор совхоза, к гаражу.

Шмельков с ходу развернул машину и начал подавать ее задом, будто бы для заправки. Несколько немецких солдат подбежали отворять двери гаража. Вот и хорошо, что Гитлер не учил их думать и скоро соображать. Шмельков, а за ним наша вторая машина, развернувшись, погасили огни и полным ходом дунули обратно в березовую аллею. Позади начали кричать, стрелять, но мы уже выехали на дорогу, где все еще шла автоколонна, и с полным правом, как люди, только что заправившиеся бензином, перегнали танки и свернули в высокую рожь.

На рассвете доехали до лесочка, и тут у нас кончилось горючее. Мы укрыли грузовики и стали закусывать. Вдруг Петров зажал сухарь в зубах и поворачивает голову, вскочил, кинулся в папоротники,— там что-то пискнуло,— и он тащит за руку мальчишку лет девяти, стриженого, тупоносого, с злыми глазами.

— Ну, чего ты? Видишь — я свой, пусти,—говорит мальчик,— я же думал, это фашисты...

— Ты чего тут делаешь, постреленок?
— Я разведчик. Мы с дедом Оксеном работаем...

Оказалось, этот мальчишка и еще пятеро таких же с черными пятками остались на хуторе с восьмидесятилетним дедом Оксеном. Мужчины, женщины с малыми детьми и скотом ушли в лесное болото и оттуда начали партизанить. Штаб был на хуторе у деда Оксена. Шестеро его мальчиков целый день шныряли по окрестностям, не боялись даже подходить к немцам,— будто бы, сопя носом, поклянчить сухарика,—все видели, все узнавали и к вечеру сведения относили к деду на хутор. Ночью туда пробирались партизаны, и дед раздавал им работу: в таком-то месте расположился штаб,— его надо уничтожить, в такое-то место подвезли бензин, там подошел танковый взвод, который требуется подорвать.

Мальчишка оказался очень смышленый; покуда солнце не встало, он нас повел на другой конец леса — полз, чертенок, как ящерица в папоротнике, мы едва за ним поспевали. Там на опушке стояли заправочные цистерны и пять истребителей.

С этим делом мы справились без большого труда. Когда грохнули выстрелы моих снайперов и дозорные немцы, шагавшие, чтобы не задремать, около своих окопчиков, повалились носом на землю, мы выскочили из папоротника: «Ура!» Этот крик тяжело действует на немецкие нервы, не то что воющие бомбы. Повысыпали фашисты из земли, из щелей,— кто руки сразу вверх, кто, как чумной, крутится, стреляя из автомата. Одного летчика вытащили за парашютные ремни прямо из истребителя. Свидете-

лей этого дела не оставили. Подожгли цистерны и самолеты и вернулись в лес. Мальчишка нам говорит:

«Я побегу, прощайте, скажу деду, а то он на этот аэродром собирался послать большую партию...»

Здесь мы провели весь день. Слышали, как проехали танки и прочесали пулеметами лес, но мы были хорошо укрыты. Решили ночью пробираться вдоль Двины, ища слабого места. У фашистов сплошного фронта нет,— они наступают, очертя голову, узкими клиньями, и — если у тебя котелок варит — всегда можно проскочить.

Ночью пошли развернутым фронтом, с пулеметами на флангах. Вдалеке пылал Д., по всему городу пламя выбивало под самые тучи. Фашисты любят такие иллюминации много больше, чем ходить в кино; вокруг горящего города бьют с самолетов по бегущим, загоняя детей, женщин, стариков обратно в огонь.

Ну, ладно... Мы были так злы,— сами искали, с кем бы сцепиться. Остановили легковую машину с тремя офицерами и перед смертью заставили их повернуть морды на город Д., чтобы зрелище это показалось им менее занимательным, чем кино. Порезали много проводов связи. Напали на колонну в двенадцать цистерн, перебили прислугу, выпустили и подожгли бензин,— и сами не были рады: очень яркое получилось освещение. Выследили три танка на медленном ходу и пожалели, что нет у нас с собой бутылок с горючим. Все-таки Петров и двое красноармейцев-гранатометчиков, взяв у товарищей побольше гранат, забежали вперед, притаились в обочине дороги и бросили связки гранат — каждый под свой танк. Передний встал на дыбы, два

другие, подорванные, только и смогли, что палить кругом в темноту.

Так шли всю ночь полями, перелесками и добрались до хутора, где немцы, видимо, еще не появлялись. В одном, другом домишке ставни закрыты, на дворе — ни воробья; вдруг на одной хатенке на соломенной крыше запел петух на зеленый рассвет. Видим — у крыльца стоит низенький лысый старик и сухонькая старушка и ждут смерти.

«Старик,— говорит она,— да никак это наши...»

И давай нас крестить и каждого целовать. А нам — не со старушкой целоваться, мы — голодные. Старик принес каравай и стал резать, раздавать ломти, а старушечка — мазать их медом, с приговором: «Кушайте, родные, кушайте, заступники...»

Дневать на хуторе было неудобно. Старик обулся, надел баранью шапку и повел нас лесными болотами на деревню, где помещался у них партизанский лазарет. К нам сбежалась вся деревня, женщины повели нас по избам. Обижать добрых людей не хотелось, пришлось подчиниться: дорожный человек костоват и черен, по старому обычаю его надо помыть, накормить и обласкать. Женщины сами нас разули, у кого ноги были стерты — вымыли их, дали чистые портяночки и давай угощать всем, что у кого было в печи.

Петров, гляжу, опять размяк, в глазах мгла и влага... Крестьяне сильно нас уговаривали, чтобы остаться с ними партизанить. И нам этого хотелось... Но — долг службы...

Лейтенант Жабин легким движением приподнялся... «Воздух!» — скомандовал он. В траве

между ореховыми кустами сейчас же началось движение. В небе на большой высоте обозначились пять фашистских бомбардировщиков. Не прошло и трех минут после того, как пункт связи сообщил о них на аэродром, появилось звено наших истребителей. Как натянутые струны — грозно и сильно — пели они, круто поднимаясь к строю бомбардировщиков... И фашистские тяжелые машины, блеснув крыльями, начали поворачивать. Но было поздно... С выцветшего неба донеслась слабая трескотня пулеметных очередей. Истребители настигали. Один из бомбардировщиков качнулся, клюнул носом и пошел вниз, за ним потянулась полоса дыма...

24 июля 1941

ГОРДО РЕЕТ СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Товарищи моряки Краснознаменного Балтийского славного Флота!

Поздравляю вас с крупной победой. О ней с почтением будут рассказывать моряки во всех флотах мира. Смело́, хитро́, умно́, настойчиво, беспощадно вы уничтожили целую вражескую армаду — всю до последнего корабля, которая несомненно готовила мощный десант для удара по нашей гордой северной столице—Ленинграду.

Страшна была эта ночь с 12 на 13 июля для хвастливых немцев. Они узнали силу комбинированного удара русских морских и воздушных сил. В бессильной злобе лязгнул зубами припадочный Гитлер, повесили носы белофинны, поглядывая в ту сторону моря, где за горизонтом пылали выскочившие на мели германские транспорты.

250 лет тому назад в такие же летние дни на Плещеевом озере под Переяславлем начался рус-

ский военный флот. Это были потешные маленькие корабли, стрелявшие из пушек глиняными ядрами, горохом да огурцами, как было строго наказано маменькой-царицей мальчику Петру, дабы не побить зря много народу во время военных потех.

Через несколько лет уже настоящий первый русский флот был построен юношей Петром в Воронеже.

Первым адмиралом был португалец, храбрый бродяга, корсар, кривой Корнелий Крейс, нанявшийся на службу к Петру.

В диковинку было тогда русским людям морское дело. Адмирал Корнелий Крейс, уча первым делом матросов плавать, любил повторять на ломаном русском языке:

«Смело прыгай с борта в воду, кто утонет, тот не моряк».

Первые корабли были из сырого леса, неуклюжи и тяжелы. Но с ними Петр I стал хозяином на восточном краю Черного моря, укрепился в Азове, построил Таганрог и загородил путь в Азовское море.

Когда началась война за исконные русские земли и города—Орешек, Ладогу, Иван-город,— русский легкий флот был построен на Белом море, в устье Выга, и оттуда водой и по лесным гатям на катках перетащен в Ладожское озеро. Нева стала нашей, был построен Кроншлот — восьмиугольный бастион на островке перед устьем Невы — и заложен Петербург. Началось большое строительство Балтийского военного флота.

Иностранцы вначале смеялись, что «у русских-де кораблям не бывать и русским мужикам по морям не плавать». Но молодой русский флот одержал ряд блестящих побед, и белый с голу-

бым русский флаг стал гордо реять по всей Балтике.

Во времена Екатерины слава русского флота прогремела на Черном море, и бессмертной славой овеяны русские моряки за оборону Севастополя.

Царско-помещичья власть дурно заботилась о военном флоте: он был местом кормления великих князей, и морское офицерство, надменное, узко-классовое,— русские помещики да остзейские бароны,— не любили морского дела, предпочитая пиры да балы. И все же в толще моряков хранились из поколения в поколение славные традиции петровского, орлово-чесменского и нахимовского флотов.

Красный советский флот открыл свой счет в истории выстрелом с «Авроры», призывающим к великой революции, походом сквозь тяжелые льды из Гельсингфорса в Кронштадт, борьбой за воды Финского залива, героическими операциями на Каспийском море и на Волге, трагическим самоутоплением Черноморского флота, который немцы требовали в Севастополь для разоружения по Брестскому договору. Тогда в Новороссийске эскадренный миноносец «Керчь» вывел на рейд эсминцы и линейные корабли и минами утопил их один за другим. Три мины попали в носовую часть, в корму и в борт линейного корабля «Свободная Россия». Корабль весь дрожал до верхушек мачт, но не погружался. На «Керчи» моряки сняли бескозырки и плакали. Только от четвертой мины «Свободная Россия» легла на борт, показала киль и затонула.

Часть этих кораблей в свое время была поднята, отремонтирована и сейчас находится в строю. Советский военный флот растет, крепнет и мно-

жится. На лучших традициях его славы воспитываются команды комсомольцев. Флаг военного флота СССР гордо реет на Балтике, на Черном море, на Тихом океане, на Баренцовом море. С четырех сторон компаса грозно и зорко военные моряки сторожат берега и гавани нашего отечества.

В ночь с 12 на 13 июля в Балтийском море открыта новая страница советского морского счета, где на все двенадцать баллов отмечена славная победа.

19 июля 1941

К ПИСАТЕЛЯМ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Мне хочется сказать несколько правдивых слов о той правде, которую весь народ Советского Союза в эти грозные дни выражает не словами, а делом — ударами штыков, национальным единением и подъемом и удесятеренным напряжением работы в тылу — на полях и на заводах.

О нашей Советской стране говорилось много лжи. Клевету и ложь сеяли агенты Гитлера с особенной энергией после того, как подрывная работа «пятой колонны» была у нас сорвана и разгромлена.

Мы противопоставляли этому яростному натиску грязных фантазий и злобных легенд честность своего слова, добросовестность в деловых отношениях и прямоту наших поступков, которые, в конце концов, должны были быть оценены здравым смыслом.

И мы с огорчением сознавали, что темные пятна непонимания и предвзятости все же существовали между Северной Америкой и Совет-

ской Россией. И это нам было тем более жалко, что десятки миллионов русских горячо любят вашу литературу и всегда изумляются неисчерпаемым и могучим творческим силам вашего народа и вашей интеллигенции.

Перед Америкой, Англией и Россией встала единая задача: поражение Гитлера и уничтожение национал-социализма. Удачное решение этой задачи означает торжество во всем мире свободы, культуры и независимости. Задача требует больших и твердых решений, высокого морального подъема и героических дел. Она требует взаимного понимания до конца.

Какова же правда всего происходящего в Советской России поступательного движения, обусловленного всей нашей предшествующей историей?

Россия была страной отставшей, по крайней мере, на столетие от европейской цивилизации. К этому привел ее ряд объективных причин, в которые нет нужды здесь углубляться. Но менее всего в этом был повинен русский народ, никогда не мирившийся ни с угнетением, ни с экономической и культурной отсталостью.

Народный протест принимал своеобразные и самобытные формы,— то это был уход миллионов людей от своих очагов на новые вольные места, в лесную глушь или в пустынные степи, то это были мощные восстания Разина и Пугачева, потрясавшие царскую власть, то это были широкие сектантские движения, в основе которых всегда лежала страстная потребность в моральном очищении и совершенствовании, потребность, приводившая к крайним формам непостижимой суровости массовых самосожжений.

Но когда над русским государством нависала

угроза потери независимости и целостности, народ единодушно и храбро вставал на защиту родной земли. Русскому народу всегда было чуждо безумие тамерлановских идей завоевания мира. Но с особенным пониманием он подхватывал идеи экономического и культурного подъема России... Так было при Иване Грозном, так было при Петре Великом.

Эти стремления в шестнадцатом веке и в начале восемнадцатого выражались в своеобразных формах, часто казавшихся Западу варварскими, азиатскими, пугавшими своими масштабами и страстной настойчивостью.

Но не война, а мир всегда были задачей России, раскинутой на неизмеримых пространствах, на неиспользованных богатствах. Не угрожающая позиция с копьем в руке и нибелунговскими крылышками на железной шапке, но опыты нового строительства и борьба за целостность государства. И через всю историю проходит напряженное — и часто жертвенное — устремление русского народа к моральному совершенствованию.

Двадцать четыре года тому назад перед Советской Россией встала огромной трудности задача: в кратчайший срок догнать европейскую цивилизацию и, при наличии у нас неисчерпаемых богатств, опередить ее. Задача была жизненно необходима, ибо, не решив ее, наша отсталая страна должна была бы естественно и логично прекратить независимое существование.

Для выполнения этой задачи мы нашли те особенные формы, которые ни в какой мере не находились в противоречии с историческим развитием России. Эти формы были глубоко заложены в народном сознании в виде надежд и мечтаний о царстве справедливости, добра и мира. Отзвук

неугасаемой веры в это вы найдете в наших многочисленных народных сказках и песнях.

Идейное руководство освободительной войной 1918—1920 годов, реконструкцией хозяйства и новым в грандиозных масштабах советским строительством во всех областях индустрии, сельского хозяйства, экономики и культуры нашло горячий отклик и поддержку многочисленных народов Советского Союза. Их творческие силы были высвобождены из-под векового гнета.

Усилия оправдали себя. Советская Россия возникла, как Феникс, из нищеты и уныния предшествовавших веков. И вот мы, русские, украинцы, белоруссы, народы Средней Азии, Кавказа, Севера и Дальнего Востока,— от мала до велика,— всею двухсотмиллионной массой встали на защиту нашей возлюбленной родины и на защиту европейских народов, обращенных Гитлером в рабов и париев.

Война с германским фашизмом должна закончиться его смертельным поражением, каких бы жертв и усилий нам это ни стоило. Каждый воин Красной Армии знает, за что он дерется, и, если его сразит пуля, умирая, он поцелует свою родную землю. Эта война — всенародная, освободительная, священная.

Со вчерашнего дня наши силы удвоились: с огромным энтузиазмом Советская Россия встретила дружбу и военный союз с великим английским народом. Это означает, что общими усилиями, единой непреклонной волей мы перевернем страницу книги нашего бытия, которую силится закрыть вцепившаяся окровавленная рука Гитлера. Мы подавим и уничтожим полчища фашистских варваров, опьяневших от жажды насилия. Нет, нам не нравится перспектива вертеть жер-

нов немецким пивоварам,— мы предпочитаем свободу и добрую жизнь. Наша воля: победа, мир, процветание и счастье на этой земле, которая создана для человеческого счастья, но уже никак не для того, чтобы длинноголовые, белокурые фашистские завоеватели превратили ее в кладбище и в загоны для говорящих животных.

Мы знаем, что свободолюбивый и гордый американский народ охвачен гневом и отвращением к Гитлеру и его кровавой шайке. Воля американского народа была и всегда будет — свобода и мир. Стремительные шаги истории сближают наш и ваш народ в одной непреклонной воле: освободить человечество от навалившегося на его грудь удушающего кошмара.

13 июля 1941

Я ПРИЗЫВАЮ К НЕНАВИСТИ

Товарищи, вы увидели, вы почувствовали, что такое Гитлер, что такое фашизм. Это — бойня ради бойни, это — опьянение человеческой смертью, наслаждение разрушением... Древние германцы, убивая врага, вырывали у него сердце и съедали сырым. У них был обычай, схватив врага, разрезывать ему сзади ребра и выламывать их наперед, в виде крыльев, это на немецком языке называлось «сделать орла»...

Вот такими штучками — непременно со вкусом человеческой крови — вдохновлены стервятники, налетевшие на Москву. Они трусы при этом.

Вчера ночью и третьего дня под Москвой я видел, как фашистские бомбардировщики метались среди ослепительных вспышек зенитных

снарядов, они попадали в вихри карающей смерти, и на моих глазах три бомбардировщика были прошиты огненными строчками трассирующих пуль с наших истребителей. Самолеты стервятников ныряли к земле и, упав, вспыхивали белым заревом.

Наш фронт крепнет с каждым днем. Армии Гитлера, захлебываясь от собственной крови, начинают топтаться и пятиться... Настанет день, который будет отмечен в мировой истории золотой чертой. И Гитлер и фашизм лопнут под нашими ударами и от силы внутреннего взрыва, и зарево от этого пожара озарит освобожденный мир.

Но успокаиваться нельзя... Враг коварен, и силы у него еще много... Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли—победить и уничтожить Гитлера и его армии, несущие смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего... Для этой великой цели нужна ненависть... В ответ на вторжение Гитлера в наши окраины — ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы — ненависть... Сильная, прочная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла.

Да здравствуют победные багряные знамена нашей славной Красной Армии, да здравствуют братские народы Советского Союза, да здравствует весь русский народ, да здравствует Москва, да здравствует наш главнокомандующий Сталин!

28 июля 1941

НЕСКОЛЬКО ПОПРАВОК К РЕЛЯЦИЯМ ГЕББЕЛЬСА

Подряд шесть ночей сотни бомбардировщиков Гитлера налетали на Москву. Они мчались волнами со всех сторон, намереваясь обрушить огромный груз бомб на Кремль, для того чтобы Риббентроп шумно захлопал в ладоши: «Слушайте, слушайте, Кремль стерт с лица земли, население в панике бежит из разрушенного, пылающего города».

Теоретически, несколько сот бомбардировщиков, приблизившись ночью на большой высоте, должны сделать свое черное дело, тем более, что их вели пилоты с железными крестами и особенными бронзовыми и серебряными орденами, которыми Гитлер награждает за количество зверских налетов.

Это были опытные нибелунги, любители взлетающих на воздух городских кварталов и добрых пожаров с заживо сгорающими людьми.

Как и надо было ожидать, после налетов на Москву, Риббентроп радостно, подобно ребенку при виде красивых бабочек, захлопал в ладоши и сообщил миру все вышесказанное.

После бомбардировок я объездил Москву и установил, что: Кремль, с церквами хорошего древнего стиля, с высокими зубчатыми стенами и островерхими башнями, столько веков сторожившими русскую землю, и чудом архитектурного искусства псковских мастеров — Василием Блаженным — как стоял, так и стоит, поглядывая на июльские облака, где грозными шершнями, как струны, гудят наши истребители.

Улицы Москвы полны народа, спешащего по своим делам или занятого устройством обороны.

Кое-где на площадях заделывают воронки, убирают разбитые стекла, заколачивают окна, у киосков толпятся люди, дожидаясь стакана фруктовой воды, проезжают автомобили с пожарными в стальных шлемах. На бульварных скамейках — старички с газетами. На крышах босоногие стриженые мальчики, наблюдающие за небом.

Вот два обгорелых дома, на их крыши вчера свалился фашистский бомбардировщик, сбитый высоко в небе прямым попаданием зенитного снаряда,— он угодил ему в брюхо и взорвал на нем бомбы,— куски самолета и нибелунгов рухнули на крыши в вихре черного дыма.

Далеко от центра города разрушены здания детской больницы и клиники. На площади перед ними много воронок. Немцы мужественно кружились над детской больницей, пока не провалили ей крышу. Разрушено большое здание школы, к счастью, дети оттуда были заранее вывезены. Сгорели деревянные фанерные лавки колхозного рынка,— этот пожар, как принято писать, был виден за несколько десятков километров. Кое-где видны полуобгорелые деревянные домишки старой Москвы, предназначенные на слом. От прямого попадания бомбы, обрушилось крыло драматического театра, похоронив под обломками прекрасного актера, дежурившего в эту ночь на крыше.

Долетевший до Москвы десяток самолетов сыпал зажигательные бомбы целыми пригоршнями. Москвичи в первую же ночь научились справляться с чердачными пожарами; много им помогали дети, любители сильных ощущений; отлично работали пожарные команды.

Разрушений в общем так немного, что начинаешь не верить глазам, объезжая улицы огром-

ной Москвы... Позвольте, позвольте, Риббентроп сообщил, что вдребезги разбита Центральная электрическая станция. Это ужасно! Подъезжаю, но она стоит там же, где и стояла, даже стекла не разбиты в окнах. По своим маршрутам ходят трамваи и троллейбусы. Город живет обычной напряженной, шумной жизнью.

Как же случилось, что несколько эшелонов прославленных бомбардировщиков, истратив столько драгоценного горючего, потеряв шестьдесят девять очень дорого стоящих машин и отправив из двухсот двадцати восьми железнокрестных летчиков одну часть в Валгаллу, другую в лагерь для военнопленных, не смогли поразить мир неслыханным злодейством? Чему же их учил Гитлер? Я был эти ночи недалеко под Москвой, и вот мои кое-какие наблюдения.

Несомненно, Гитлер сильно удручен и даже, наверно, взбешен своими чрезмерными потерями на фронте, неудавшимся планом широко разрекламированного «блицкрига» и крайним неудобством не предусмотренной им партизанской войны у себя в тылу. Ему немедленно нужно было эффектное дело.

Оно началось так. В сумерках, в стороне, противоположной оранжевому свету вечерней зари, по облакам забегали мягкие нежные зайчики, замахали, как рычаги, синеватые прожекторные лучи, послышался тяжелый, захлебывающийся, как у астматиков, гул фашистских бомбардировщиков. Сотни лучей замахали по всему небу. Вот два, три из них скрестились, к ним подмахнул еще луч, и образовалась звезда, яркими концами упирающаяся в горизонт, бледными — в созвездия. В центре ее четко засветился алюминие-

вый самолет, величиной с ноготь. Он плыл, и звезда плыла за ним, не выпуская его из центра скрещения. На земле вспыхнули молнии зениток, с шуршанием понеслись снаряды и начали рваться ослепительными вспышками и зигзагами огня,— справа, слева, выше, ниже алюминиевой игрушки.

Он летел на большой высоте. Скрещенные лучи и разрывы зениток передали его следующей группе лучей и зенитных снарядов. Из лесов, отмечая его в черном небе, точно в мультипликации, побежали красные пунктиры. Он исчез из моих глаз.

Между облаками гудели новые и новые бомбардировщики. Их ловили то здесь, то дальше по пути к Москве. Тяжелые пулеметы короткими очередями простукивали небесную твердь. В стороне Москвы кипел зенитный огонь; его можно было сравнить только с кипением, с бешеной пляской. Вот повисли в воздухе три осветительных ракеты — мрачно-желтоватые огни. Сквозь грохот орудий и гул самолетов долетели взрывы бомб, двойные громовые вздохи. Их было много, стесненное сердце не поспевало их считать. Над Москвой начало разливаться зарево пожара,— свет, то багрово-тусклый, то магниево-белый, вспыхивал до облаков и опадал.

Вот снова поймали одного в лучи,— он летит над заречной равниной. Вокруг разрывы, навстречу ему из-за лесов перекрестный стук пулеметов. Нервы нибелунга не выдерживают, он ярко освещен, он поворачивает обратно, зенитки смолкают, и через секунду из темноты — грозное пение истребителя, и над фашистской машиной проходит огненный пунктир, вторая нить протя-

нулась под самым его животом, и сейчас же третья огненная строчка прошивает его... На его головной части вспыхивает несколько ослепительных точек, и нибелунг рухает вниз...

Вот, накренясь, блеснув крыльями, поворачивает обратно другой, он в венце вспыхивающих огней. Зигзаг двойного разрыва проносится у него над головой и новый зигзаг у самого хвоста. Самолет задирает нос, будто моля о пощаде, но кого: звезды или наших зенитчиков?—и падает. Звезда лучей сейчас же гаснет.

Вот совсем близко над лесом шипящий свист, еще один бомбардировщик с подбитым мотором круто планирует к земле. Тотчас за черными соснами разливается ослепительно-молочное зарево горящего бензина. Револьверные выстрелы и ружейный залп. Тишина. И через две минуты — снова захлебывающийся гул. Закачались голубые рычаги лучей. Летят гуськом красные ракетки, и все небо в зените трещит и блещет, как будто сами звезды посыпались спасать удрученную землю...

Гул разрывов в стороне дымно-кровавой тучи над Москвой потрясает мое воображение. Я представляю, что взлетают на воздух целые кварталы. Но нет! Фашистские бомбардировщики натыкаются под самой Москвой на такой ад зенитного огня, что сбрасывают бомбы, как попало, близ города, на пустыри; лишь одиночкам удается прорваться, остальные уходят, и на пути их настигают наши истребители.

Нибелунги дорого платят за свое развлечение. Сумасшедшим нельзя давать в руки бритву. Гитлер воспитал германскую молодежь на заповеди: «Кто в этом мире вечной борьбы не хочет уча-

ствовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь». Из немецкого ума и сердца с отроческого возраста насильно изымается все, что было накоплено человечеством за тысячелетия. Немец должен вернуться в первобытную пещеру и знать только одно: твое неандертальское племя должно истребить вокруг все живое, чтобы спокойно высасывать мозг из берцовых костей животных четвероногих и двуногих.

Это могло быть детской сказкой, если бы не стало страшной действительностью,— сведя с ума и озверив германскую молодежь, Гитлер дал ей в руки опасное оружие.

Так что же, безумному неандертальскому человеку стать хозяином этого мира, загнанного в противобомбовые убежища и щели? Или должен торжествоавть мудрый, добрый, трудолюбивый гомо сапиенс — человек с сердцем покойным и светлым, всегда готовым к любви и мирному счастью?

29 июля 1941

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор А. С. Мясников

Тираж 100 000

Подписано к печ. 21|VIII 1941 г.
А41183. Печ. л. $1^3|_4$. Авт. л. 1,9
В печ. листе 43648 зн. Зак. 1479.
Цена 30 коп.

Типогр. Москва, М. Дмитровка, 6

30 коп.

ГОСЛИТИЗДАТ
1941